

Кашуба В

24/11-82

Закарпатская Правда
г. Ужгород

◆ 27 декабря 1987 г. Воскресенье

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Владимир КАШУБА

ОТОШЛИ в прошлое его «поисковые» роли. Это был воротила в воровском кодле, тип социально опасный — Брюхатый из шукшинских персонажей, человек с двойным дном — то простой человек: сантехник Тудыкин, то он же, продавший черту душу, утративший человечность в спектакле «Святой и грешный» Варфоломеева. Впервые произошла встреча с Чеховым и не лучшим образом (Дорн в «Чайке»). Наши современники, его персонажи — председатель колхоза Звонарь («Ступени» Зарудного), секретарь райкома Якимов («Совесть» Павловой), управляющий трестом Батарцев («Заседание парткома» Гельмана). Портретная галерея! Их много, но ни один из них не напоминал другого. Сыгравши они в областном русском драматическом театре в разной манере и не в одинаковой степени достоверности. В основном — рельефно, правдиво.

Особого внимания заслуживает мольеровский триптих В. Кашубы. Он сыграл Гранаделя («Лекарь поневоле»), Тартюфа («Тартюф»), Скапена («Проделки Скапена») в постановке В. Суркова, А. Короля, В. Канаева. «Люблю, — говорит Владимир Филиппович, — работать с разными режиссерами. Это обогащает, ведь у каждого свои понятия, метод работы, подход».

В безудержно веселом, блестательном фарсе «Лекарь поневоле» В. Кашуба сыграл сметливого, остроумного слугу Гранаделя, прошедшего огонь и воду. Через годы он сыграл Скапена. Роль вводная. С утратой возрастного соответствия была утрачена легкость, раскованность, непосредственность динамики игры. Но появились иные краски. Его Скапен был не просто плут, шутник и проказник. Новым было то, что актер наделил Скапена острым умом, чувством собственного достоинства.

Испытанием на профессионализм и мастерство стал образ Тартюфа. Актер стоял перед самой сложнейшей задачей —

раскрыть новую для себя острую театральную форму, театральность как бытовую, так и психологическую.

Чревоугодник и сластолюбец, Тартюф — Кашуба владел тончайшими приемами церковной казуистики, что помогало ему выпутаться из самых затруднительных положений.

«В работе над образом Тартюфа, — говорит В. Кашуба, — я нашел взаимопонимание с режиссером, вынес урок, поучительный для меня. Понял,

что прежде всего следует выделить в роли главное для себя, но не забывать при этом и о том, что это, мною найденное, дает и для решения,

понимания всего спектакля в целом. К примеру, меня не удовлетворяла роль в спектакле «Момент истины» Ибрагимбекова, не потому что она эпизодическая, а потому что функциональная. Она нужна в спектакле лишь для того, чтобы появилась в поле зрения главного героя леска, что внесло в его душу смятение. Такие же функции выполняет и мой Барабанов в спектакле «Улица Шолом Алейхема, 40».

Можно лишь присоединиться к сетованиям актера. К

названным им ролям следует отнести, хотя она и главная, роль Эдмона Фонтажа («Чей малыш?» Ж. Латреза). Она

чужда ему, он «вырос» из нее.

При распределении ролей

следует учитывать своеобразие почерка актера, его еще не раскрытыми возможностями.

Известен такой факт. Актер обратился к режиссеру Ю. Федору с просьбой дать ему возможностью сыграть положительную роль, а то ведь тиражируют в одном плане — в роли

Брюхатого актера с новым главным

ролем Карлсон. Взрослый ребе-

нок, принесший актеру успех в

спектакле «Малыш и Карлсон».

который живет на крыше». И начался поиск.

В работе над образом Андрея Буслая («Порог» А. Дударева) перед актером была поставлена трудная задача — в рамках быстро развивающегося сюжета найти место, время, способы выразительности, чтобы разрешить удивительный психологический парадокс поведения Андрея, загадку его характера. Года два как я наблюдал процесс работы над уже «готовым» образом. Взыскательный актер продолжает расти, формировать приемы освоения столь сложного материала, прослеживает нарастание в герое иной сущности. Если в первых сценах он сосредоточил свое внимание на убийственно точных нюансах отмирания всего человеческого у алкоголика, то уже в конце первого акта в его глазах появляется боль, хмельный цинизм заслоняется жгучим интересом к человеку.

В работе над образом Буслая В. Кашубу, по его собственному признанию, привлекла жизнь, которая проявляется в личности, и все то, что из этого неизбежного единения проистекает.

Подобные волнения испытывает актер, когда играет Ивана в спектакле «Иван и Мадонна» Курдявицкого.

В этот раз он отвечает на поставленные вопросы поиному, стараясь не упустить ничего, что могло бы объяснить образ, уверить в его реальности.

Была опасность повторяться, ведь его Иван и Буслая «работают» в плане трагикомедийного жанра.

Но этого не произошло. Произошло другое — поиск глубинной проработки характера, его своеобразия.

На этот раз он отвечает на поставленные вопросы поиному, стараясь не упустить ничего, что могло бы объяснить образ, уверить в его реальности.

Была опасность повторяться, ведь его Иван и Буслая «работают» в плане трагикомедийного жанра.

Но этого не произошло. Произошло другое — поиск глубинной проработки характера, его своеобразия.

На этот раз он отвечает на поставленные вопросы поиному, стараясь не упустить ничего, что могло бы объяснить образ, уверить в его реальности.

Была опасность повторяться, ведь его Иван и Буслая «работают» в плане трагикомедийного жанра.

Но этого не произошло. Произошло другое — поиск глубинной проработки характера, его своеобразия.

На этот раз он отвечает на поставленные вопросы поиному, стараясь не упустить ничего, что могло бы объяснить образ, уверить в его реальности.

Была опасность повторяться, ведь его Иван и Буслая «работают» в плане трагикомедийного жанра.

Но этого не произошло. Произошло другое — поиск глубинной проработки характера, его своеобразия.

На этот раз он отвечает на поставленные вопросы поиному, стараясь не упустить ничего, что могло бы объяснить образ, уверить в его реальности.

Была опасность повторяться, ведь его Иван и Буслая «работают» в плане трагикомедийного жанра.

Но этого не произошло. Произошло другое — поиск глубинной проработки характера, его своеобразия.

На этот раз он отвечает на поставленные вопросы поиному, стараясь не упустить ничего, что могло бы объяснить образ, уверить в его реальности.

Была опасность повторяться, ведь его Иван и Буслая «работают» в плане трагикомедийного жанра.

Но этого не произошло. Произошло другое — поиск глубинной проработки характера, его своеобразия.

На этот раз он отвечает на поставленные вопросы поиному, стараясь не упустить ничего, что могло бы объяснить образ, уверить в его реальности.

Была опасность повторяться, ведь его Иван и Буслая «работают» в плане трагикомедийного жанра.

Но этого не произошло. Произошло другое — поиск глубинной проработки характера, его своеобразия.

На этот раз он отвечает на поставленные вопросы поиному, стараясь не упустить ничего, что могло бы объяснить образ, уверить в его реальности.

Была опасность повторяться, ведь его Иван и Буслая «работают» в плане трагикомедийного жанра.

Но этого не произошло. Произошло другое — поиск глубинной проработки характера, его своеобразия.

На этот раз он отвечает на поставленные вопросы поиному, стараясь не упустить ничего, что могло бы объяснить образ, уверить в его реальности.

Была опасность повторяться, ведь его Иван и Буслая «работают» в плане трагикомедийного жанра.

Но этого не произошло. Произошло другое — поиск глубинной проработки характера, его своеобразия.

На этот раз он отвечает на поставленные вопросы поиному, стараясь не упустить ничего, что могло бы объяснить образ, уверить в его реальности.

Была опасность повторяться, ведь его Иван и Буслая «работают» в плане трагикомедийного жанра.

Но этого не произошло. Произошло другое — поиск глубинной проработки характера, его своеобразия.

На этот раз он отвечает на поставленные вопросы поиному, стараясь не упустить ничего, что могло бы объяснить образ, уверить в его реальности.

Была опасность повторяться, ведь его Иван и Буслая «работают» в плане трагикомедийного жанра.

Но этого не произошло. Произошло другое — поиск глубинной проработки характера, его своеобразия.

На этот раз он отвечает на поставленные вопросы поиному, стараясь не упустить ничего, что могло бы объяснить образ, уверить в его реальности.

Была опасность повторяться, ведь его Иван и Буслая «работают» в плане трагикомедийного жанра.

Но этого не произошло. Произошло другое — поиск глубинной проработки характера, его своеобразия.

На этот раз он отвечает на поставленные вопросы поиному, стараясь не упустить ничего, что могло бы объяснить образ, уверить в его реальности.

Была опасность повторяться, ведь его Иван и Буслая «работают» в плане трагикомедийного жанра.

Но этого не произошло. Произошло другое — поиск глубинной проработки характера, его своеобразия.

На этот раз он отвечает на поставленные вопросы поиному, стараясь не упустить ничего, что могло бы объяснить образ, уверить в его реальности.

Была опасность повторяться, ведь его Иван и Буслая «работают» в плане трагикомедийного жанра.

Но этого не произошло. Произошло другое — поиск глубинной проработки характера, его своеобразия.

На этот раз он отвечает на поставленные вопросы поиному, стараясь не упустить ничего, что могло бы объяснить образ, уверить в его реальности.

Была опасность повторяться, ведь его Иван и Буслая «работают» в плане трагикомедийного жанра.

Но этого не произошло. Произошло другое — поиск глубинной проработки характера, его своеобразия.

На этот раз он отвечает на поставленные вопросы поиному, стараясь не упустить ничего, что могло бы объяснить образ, уверить в его реальности.

Была опасность повторяться, ведь его Иван и Буслая «работают» в плане трагикомедийного жанра.

Но этого не произошло. Произошло другое — поиск глубинной проработки характера, его своеобразия.

На этот раз он отвечает на поставленные вопросы поиному, стараясь не упустить ничего, что могло бы объяснить образ, уверить в его реальности.

Была опасность повторяться, ведь его Иван и Буслая «работают» в плане трагикомедийного жанра.

Но этого не произошло. Произошло другое — поиск глубинной проработки характера, его своеобразия.

На этот раз он отвечает на поставленные вопросы поиному, стараясь не упустить ничего, что могло бы объяснить образ, уверить в его реальности.

Была опасность повторяться, ведь его Иван и Буслая «работают» в плане трагикомедийного жанра.

Но этого не произошло. Произошло другое — поиск глубинной проработки характера, его своеобразия.

На этот раз он отвечает на поставленные вопросы поиному, стараясь не упустить ничего, что могло бы объяснить образ, уверить в его реальности.

Была опасность повторяться, ведь его Иван и Буслая «работают» в плане трагикомедийного жанра.

Но этого не произошло. Произошло другое — поиск глубинной проработки характера, его своеобразия.

На этот раз он отвечает на поставленные вопросы поиному, стараясь не упустить ничего, что могло бы объяснить образ, уверить в его реальности.

Была опасность повторяться, ведь его Иван и Буслая «работают» в плане трагикомедийного жанра.

Но этого не произошло. Произошло другое — поиск глубинной проработки характера, его своеобразия.

На этот раз он отвечает на поставленные вопросы поиному, стараясь не упустить ничего, что могло бы объяснить образ, уверить в его реальности.

Была опасность повторяться, ведь его Иван и Буслая «работают» в плане трагикомедийного жанра.

Но этого не произошло. Произошло другое — поиск глубинной проработки характера, его своеобразия.

На этот раз он отвечает на поставленные вопросы поиному, стараясь не упустить ничего, что могло бы объяснить образ, уверить в его реальности.

Была опасность повторяться, ведь его Иван и Буслая «работают» в плане трагикомедийного жанра.

Но этого не произошло. Произошло другое — поиск глубинной проработки характера, его своеобразия.

На этот раз он отвечает на поставленные вопросы поиному, стараясь не упустить ничего, что могло бы объяснить образ, уверить в его реальности.

Была опасность повторяться, ведь его Иван и Буслая «работают» в плане трагикомедийного жанра.

Но этого не произошло. Произошло другое — поиск глубинной проработки характера, его своеобразия.

На этот раз он отвечает на поставленные вопросы поиному, стараясь не упустить ничего, что могло бы объяснить образ, уверить в его реальности.

Была опасность повторяться, ведь его Иван и Буслая «работают» в плане трагикомедийного жанра.

Но этого не произошло. Произошло другое — поиск глубинной проработки характера, его своеобразия.

На этот раз он отвечает на поставленные вопросы поиному, стараясь не упустить ничего, что могло бы объяснить образ, уверить в его реальности.

Была опасность повторяться, ведь его Иван и Буслая «работают» в плане трагикомедийного жанра.

Но этого не произошло. Произошло другое — поиск глубинной проработки характера, его своеобразия.

На этот раз он отвечает на поставленные вопросы поиному, стараясь не упустить ничего, что могло бы объяснить образ, уверить в его реальности.

Была опасность повторяться, ведь его Иван и Буслая «работают» в плане трагикомедийного жанра.

Но этого не произошло. Произошло другое — поиск глубинной проработки характера, его своеобразия.

На этот раз он отвечает на поставленные вопросы поиному, стараясь не упустить ничего, что могло бы объяснить образ, уверить в его реальности.

Была опасность повторяться, ведь его Иван и Буслая «работают» в плане трагикомедийного жанра.

Но этого не произошло. Произошло другое — поиск глубинной проработки характера, его своеобразия.

На этот раз он отвечает на поставленные вопросы поиному, стараясь не упустить ничего, что могло бы объяснить образ, уверить в его реальности.

Была опасность повторяться, ведь его Иван и Буслая «работают» в плане трагикомедийного жанра.

Но этого не произошло. Произошло другое — поиск глубинной проработки характера, его своеобразия.

На этот раз он отвечает на поставленные вопросы поиному, стараясь не упустить ничего, что могло бы объяснить образ, уверить в его реальности.

Была опасность повторяться, ведь его Иван и Буслая «работают» в плане трагикомедийного жанра.

Но этого не произошло. Произошло другое — поиск глубинной проработки характера, его своеобразия.

На этот раз он отвечает на поставленные вопросы поиному, стараясь не упустить ничего, что могло бы объяснить образ, уверить в его реальности.

Была опасность повторяться, ведь его Иван и Буслая «работают» в плане трагикомедийного жанра.

Но этого не произошло. Произошло другое — поиск глубинной проработки характера, его своеобразия.

На этот раз он отвечает на поставленные вопросы поиному, стараясь не упустить ничего, что могло бы объяснить образ, уверить в его реальности.

Была опасность повторяться, ведь его Иван и Буслая «работают» в плане трагикомедийного жанра.

Но этого не произошло. Произошло другое — поиск глубинной проработки характера, его своеобразия.

На этот раз он отвечает на поставленные вопросы поиному, стараясь не упустить ничего, что могло бы объяснить образ, уверить в его реальности.

Была опасность повторяться, ведь его Иван и Буслая «работают» в плане трагикомедийного жанра.